

Принцесса Элли

Автор:

Эмма Чейз

Принцесса Элли

Эмма Чейз

Pink room. Влюбиться по-королевски #3

Семнадцатилетняя Элли, младшая сестра герцогини Оливии Фэрстоун, много лет была без ума от королевского телохранителя.

Логан Сент-Джеймс. Невероятно крутой. Самый сексуальный парень, которого Элли видела в своей жизни, – и это включая книги, фильмы и телепередачи.

Для нее Логан – идеальное сочетание красоты и чего-то горячего, мучительно таинственного. Для него Элли – часть его работы, член королевской семьи и... запретный плод, который безумно манит Логана.

Он мечтает о ней, рискнет всем ради ее защиты, но никто не должен узнать о его чувствах.

Но теперь, когда Элли исполнилось двадцать два, она намерена воплотить свою сказочную мечту в реальность. И даже королева Весско не сможет помешать ей на пути к счастью.

Эмма Чейз

Принцесса Элли

© Косорукова Т., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Сладким кумирам

и медленно горящим.

Пролог. Логан

Некоторые парни привыкли думать своими членами.

Ну, вы знаете такой типаж. Они быстро и красиво говорят, глаза бегают туда-сюда в поисках пары красивых ножек, пышной груди или упругой задницы, за которой они с удовольствием будут волочиться.

Другие слишком много думают. И этих вы встречали. До ужаса осторожные, медлительные, взвешивают каждое слово, как будто боятся, что все, что они скажут, будет использовано против них.

Я не отношусь ни к тем, ни к другим.

Я всегда прислушиваюсь к своему чутью. Когда у меня внутри что-то сжимается, словно предупреждение, я действую – без колебаний. Когда дергает и толкает, я останавливаюсь и все как следует обдумываю. Когда извивается и корчится, я точно знаю, что здорово напортачил.

Мое чутье – мой лучший друг, моя совесть, моя самая смертоносная сила.

И оно никогда не подводило меня.

Чутье тащит меня к ее двери. Оно заставляет меня застыть на месте, когда я стучу. Оно подсказывает мне слова – слова мольбы, незнакомые до этого слова раскаяния, – которые я с радостью скажу, чтобы все исправить.

Чтобы вернуть ее.

Потому что, несмотря на отличное чутье, иногда я просто идиот.

Вчера был один из таких дней.

– Элли. Это я – открой, нам нужно поговорить.

Я чувствую движение по другую сторону массивной дубовой двери – это не шорохи, не движение теней под ней, а подсказка моего подсознания. Я чувствую ее там, внутри. Она стоит рядом и слушает.

– Уходи, Логан.

Голос у нее напряженный, более высокий, чем обычно. Расстроенный.

– Элли, пожалуйста. Я был придурком, я знаю... – Мне не очень нравится умолять в коридоре, но если так надо... – Прости. Впусти меня.

Элли трудно разозлить, она быстро прощает; в ней просто нет места для обид. Поэтому ее слова падают, как удар молота, – словно сбивают меня с ног.

– Нет, ты был прав. У сестры принцессы и телохранителя из Ист-Амбой нет шансов – мы долго не продержимся.

Неужели я действительно ей это сказал? Что, черт возьми, со мной не так? Мое чувство к ней – единственное, что имеет смысл в моей жизни. Что имеет значение.

Но я никогда не говорил ей об этом.

Вместо этого... вместо этого я сказал все не так, как следовало.

Я прижимаю ладонь к гладкому дереву и наклоняюсь вперед, желая быть как можно ближе к ней.

– Элли...

– Я передумала, Логан.

Если бы труп мог говорить, его голос звучал бы точно так же, как сейчас у моей Элли. Ее тон ровный, безжизненный.

– Я хочу сказку. Я хочу то, что есть у Оливии... замки и экипажи... а ты никогда не сможешь мне этого дать. Я бы просто смирилась. Ты никогда не сможешь сделать меня счастливой.

Она это несерьезно. Это мои слова – весь этот бред, в котором я ее убедил, – и она швыряет его обратно, прямо мне в лицо.

Но Боже, это чертовски больно слышать. Физически больно – слова вонзаются глубоко в живот, сдавливают грудь, перемалывают кости. Я не шутил, когда сказал, что умру за нее... и прямо сейчас мне кажется, что это чистая правда.

Я хватаюсь за дверную ручку, чтобы войти внутрь, чтобы увидеть ее лицо. Убедиться, что она не хотела всего этого говорить.

– Элли...

– Не входи! – Я никогда не слышал, чтобы она так кричала. – Я не хочу тебя видеть! Уходи, Логан. Все кончено – просто уходи!

Я тяжело дышу – как бывает, когда боль разрушает тебя, когда приходится дышать сквозь боль. Я сглатываю желчь, выпрямляюсь, разворачиваюсь и иду по коридору. Подальше от нее. Именно так, как она и хочет, как она просит. О чем она только что прокричала через дверь.

Мой мозг велит мне шевелиться – убираться отсюда к черту, минимизировать потери и зализать раны. А мое сердце – господи, этот бедный ублюдок слишком изранен, чтобы вообще что-то чувствовать.

Но потом, примерно на середине коридора, мои шаги замедляются, пока я полностью не останавливаюсь.

Потому что мое чутье... оно болезненно напрягается. Оно бунтует. Оно кричит, что все это неправильно. Это не она. Что-то не так.

И даже больше... Что-то совсем, совсем не так.

Я осматриваю тихий коридор – ни охранника, ни горничной. Я оглядываюсь на дверь. Она закрыта, тихая и неподвижная.

Я поворачиваюсь и иду прямо к ней. Я не стучу, не жду и не спрашиваю разрешения. Одним движением я поворачиваю ручку и захожу внутрь.

От того, что я там вижу, меня бросает в дрожь.

Я ожидал чего угодно, но не этого.

Совсем не этого...

1. Логан. Пятью годами ранее

– Вы хотели видеть меня, принц Николас?

Хочу признаться: когда власти придерживающие впервые предложили мне должность в королевской службе безопасности, меня это не интересовало. Сама мысль – сопровождать каких-то самодовольных аристократов, которые влюблены в звук собственного голоса – и в запах собственной задницы, – не привлекала меня. С моей точки зрения, телохранители лишь на ступеньку выше мальчиков-слуг, а я не слуга.

Я хотел действовать. Славы. Цели. Я хотел быть частью чего-то большего, чем я. Чего-то благородного и долговечного.

– Да, Логан, присаживайся.

Я довольно быстро проявил себя в армии. И Уинстон – глава Дворцовой охраны – обратил на меня внимание. Он сказал, они ищут людей особого склада для личной команды принца Николаса. Молодых парней, которые быстры, легки на подъем, преданны и свирепы, когда понадобится. Тех, для кого в порядке вещей захватить с собой нож на перестрелку – потому что им не понадобится ни этот гребаный нож, ни пистолет, чтобы победить.

Всего через несколько недель я стал иначе смотреть на все это. Мне стало казаться, что это призвание, долг. Особенные люди делают так, чтобы что-то происходило и дела делались – они обладают силой, с помощью которой могут облегчить жизнь не-столь-особенным-людям.

А я защищаю их, чтобы они могли это делать.

И вот молодой принц сидит напротив меня за письменным столом в библиотеке роскошного пентхауса – он особенный человек.

– Сколько тебе лет, Логан?

– В моем досье сказано, что мне двадцать пять.

Если святой Петр был ловцом человеческих душ, то у меня дар их читать. Это навык, который необходим для такой профессии – за версту чуют намерения другого человека. Уметь прочитать все по его глазам, по тому, как он переступает с ноги на ногу, узнать, на что он способен и что он за человек.

Николас Пембрук – хороший человек. До мозга костей.

И это большая редкость.

Чаще всего особенные люди – первоклассные отморозки.

У него дергается угол рта.

– Я знаю, что сказано в твоём досье. Я не об этом спрашивал.

Он не дурак: в жизни ему достаточно лгали, чтобы научиться определять на слух, что правда, а что нет.

– Сколько тебе лет на самом деле?

Я смотрю ему в глаза, гадая, к чему он клонит.

– Двадцать два.

Он медленно кивает, массируя большим пальцем ладонь другой руки, размышляя.

– Итак, ты был призван в армию... в пятнадцать? Солгал о своём возрасте? Такой молодой.

Я пожимаю плечами.

– В призывном пункте особо не разбирались. Я был высоким, крепким и умел драться.

– Ты был ребёнком.

– Я не был ребёнком, Ваше Высочество. Не больше, чем вы.

Детство – это когда ты должен наделать ошибок, понять, кто ты, кем ты хочешь быть. Тебе дается официальное разрешение побыть ослом. У меня не было такой привилегии, как и у Николаса. Наши судьбы были предreshены ещё до нашего рождения. Разные судьбы, конечно, но независимо от того, растешь ты в конуре или во дворце, ожидания и требования окружающих, как правило, довольно быстро убивают в тебе невинность.

– Почему ты ушел из дома таким юным?

Теперь моя очередь ухмыляться. Потому что я тоже не дурак.

– Вы знаете почему. В досье об этом тоже написано.

Я умею распознавать отморозков, потому что сам из таких. Преступники не особенно везучие. Мелочные, хитрые, достаточно отчаянные и поэтому опасные – из тех, кто улыбнется тебе в лицо, похлопает по спине, а потом всадит в спину нож, как только ты отвернешься.

Мой дедушка умер в тюрьме – он сидел за убийство, совершенное во время вооруженного ограбления. Отец тоже умрет там, и чем скорее, тем лучше – он сидит за непредумышленное убийство. У меня есть дяди, которые сидели за самые разные вещи, двоюродные братья, которых убили среди бела дня прямо на улице, и тети, которые, не задумываясь, отправили своих дочерей на панель.

К тому времени, когда мне исполнилось пятнадцать, я понял, что, если останусь в этой дыре, мне конец. И тогда у меня будет только два пути: в тюрьму или на кладбище.

Ни один вариант меня не привлекал.

– Что это на самом деле значит? Все эти вопросы?

Всегда лучше сразу переходить к делу, прямо и быстро.

Его серо-зеленые глаза фокусируются на мне, он изучает меня, чуть ссутулив плечи, как будто на них сидит слон.

– Теперь, когда Генри у меня в руках, королева хочет, чтобы мы вернулись в Весско, через два дня. Ты же знаешь.

Я киваю.

– Я хочу взять Оливию с собой домой на лето.

Какое-то время я сомневался в этой симпатичной нью-йоркской булочнице. Она вложила всякие идеи в голову Николасу, сделала его безрассудным. Но она

хорошая девушка – трудолюбивая, честная, – и она заботится о нем. Не о его титуле или банковском счете. Ей наплевать на них, и, вероятно, она предпочла бы, чтобы у него их не было.

Она делает его счастливым.

К тому же за те два года, что я работаю с наследным принцем, я не помню, чтобы когда-нибудь видел его по-настоящему счастливым.

– Разумно ли это? – спрашиваю я.

Оливия Хэммонд – милая девушка. А дворец... умеет превращать милое в не очень милое.

– Нет. Но я все равно хочу это сделать.

Выражение его лица грубое и открытое. Это тоска. Со стороны кажется, что все желания любого члена королевской семьи должны мгновенно исполняться. У Николаса есть частные самолеты, слуги, замки и больше денег, чем он сможет потратить за всю жизнь, – но я не могу вспомнить ни одного случая, когда он делал то, что хочет, просто так, черт возьми. Или когда он позволял себе сделать что-то, чего ему делать не следует.

Я восхищаюсь им, но не завидую ему.

– Оливия хочет поехать, но она беспокоится о том, что оставит свою сестру одну на лето. Элли еще юная, она учится в школе и... она очень наивная.

В ней тоже есть что-то дикое. Такое же яркое, как розовые локоны в ее светлых волосах, к которым присоединились сначала голубые, а потом зеленые за те два месяца, что мы были в Нью-Йорке.

– Я понял, что она притягивает неприятности, – комментирую я.

– Вот именно. Кроме того, Элли придется управлять кофейней самостоятельно, только с помощью Марти. Отец Оливии...

– Алкоголик.

Этот тип мне тоже хорошо знаком – я их чую за километр.

– Да, – вздыхает Николас. – Послушай, Логан, ты здесь достаточно долго, чтобы понять, что я не так легко доверяю людям. Но я доверяю тебе. – Он проводит рукой по своим черным волосам и встречается со мной взглядом. – Вот почему я тебя обо всем этом спрашиваю. Ты останешься в Нью-Йорке? Ты поможешь Элли, присмотришь за ней... проследишь, чтобы она была в безопасности?

Она кажется хорошей девушкой, но я уже сказал, я не слуга – и уж тем более не нянька. Защита королевской семьи – это роль, которую я выбрал; а присматривать за американской девочкой-подростком – та еще головная боль.

Николас смотрит в окно.

– Я знаю, я о многом прошу. Это не твоя работа, ты можешь сказать «нет». Но нет никого другого, кого бы я мог попросить... Ни на кого другого я не могу положиться. Так что сочту за честь, если ты согласишься.

Ах... твою мать.

У меня есть брат. Сказать, что я хотел бы, чтобы его не было, это ничего не сказать. И не так, как Николас хочет, чтобы его королевский сопливый братишка наконец повзрослел, черт возьми, или как мисс Оливия временами бесится из-за своей младшей сестры. Мир стал бы лучше, если бы в нем не было моего брата, и это желание разделяют другие люди.

Но, если бы у меня был выбор, если бы я мог собрать брата с нуля, я бы сумел создать человека, похожего на того, кто сейчас сидит напротив меня.

Вот почему, хотя я, черт возьми, об этом пожалею, мне требуется всего мгновение, прежде чем я даю ему свой ответ.

– У Джеймса дома сын – ему около года, – так что он захочет поехать домой с вами. Томми будет счастлив остаться – Бронкс почти его личный гарем. С ним и, может быть, еще с Кори и Лиамом, мы убережем девушку от неприятностей, а

летом бизнес будет только процветать.

Лицо Николаса расплывается в широчайшей улыбке, и в глазах светится облегчение. Он встает, протягивает руку, чтобы пожать мою, с благодарностью хлопает меня по плечу.

– Спасибо тебе, Логан. Правда. Я этого не забуду...

По крайней мере, это лето будет... другим.

2. Элли

Когда дело доходит до музыки, я приверженец старой школы. В этом я виню свою мать. Одно из моих самых ранних воспоминаний – она поет мне на ночь колыбельную Led Zeppelin – «All My Love». Когда она пекла на кухне нашей семейной кофейни, которая названа в ее честь, «Амелия», ее бумбокс всегда грохотал. Иногда она слушала все подряд, но чаще это были хриплые, бередящие душу, высокооктавные женские партии, которые лились из динамиков прямо в уши мне и моей старшей сестре. Это произвело на нас неизгладимое впечатление. Если раз услышал, как Дженис Джоплин во все горло орет – «Me and Bobby McGee», пути назад уже нет.

Сегодня в четыре утра я врубила «Gloria» Лоры Брэниган. Она стучит по моим барабанным перепонкам – бодро и свежо. Мне не помешает немного бодрости духа.

Вчера Оливия уехала в Весско, и я так счастлива за нее – действительно искренне, безумно счастлива. Она этого заслуживает – чтобы ее там приняли с почестями, чтобы ее баловал и обожал прекрасный принц с грязной душой и золотым сердцем. Лив заслуживает всего мира, даже если это всего на три месяца.

Но я буду очень скучать по ней.

Есть еще одна маленькая деталь... Я не спала уже двадцать четыре часа. Глаз не сомкнула. И если прошлое – это пролог, то в моем будущем будет много бессонных ночей. Я старшеклассница – мне нужно готовиться к экзаменам, выполнять проекты, заниматься всякой внеклассной деятельностью, создавать воспоминания на всю жизнь – но теперь у меня есть бизнес, и им надо управлять.

У кого, черт возьми, в такой ситуации есть время на сон?

Я увеличиваю громкость на своем телефоне и сую столовую ложку растворимого кофе себе в рот, запивая горькие, колючие гранулы глотком черного холодного кофе. В кофейне мы не подаем растворимый кофе. Растворимый кофе отвратительный.

Но он отлично справляется со своей задачей. Мгновенный эффект. Я люблю кофеин. Люблю. Кайф, порыв, такое чувство, словно я двоюродная сестра Чудо-женщины, которая потерялась еще в детстве, и нет на свете такого дерьма, с которым я не могла бы справиться.

Я бы плотно на него подсела, если бы оно того стоило.

Я бы точно стала торчком, если бы меня не пугали гнилые зубы, разрушенная жизнь и возможная смерть от передозировки. Я старшеклассница, а не дура.

Проглотив свою мерзкую волшебную жидкость, я возвращаюсь к песне – покачиваю бедрами и плечами, мотаю русалочьими волосами с разноцветными прядями туда-сюда. Кружусь на цыпочках, покачиваюсь, я даже подпрыгиваю на носочках, как балерина – хотя если бы кто-то меня увидел, я бы все отрицала, – и одновременно вожусь с формами для пирогов, выкладывая в них вкуснящие фрукты, а еще раскатываю тесто для верхнего слоя двух дюжин пирогов, которые мне нужно испечь до открытия.

Пироги моей матери – ее авторские рецепты – это то, чем славится «Амелия», и единственная причина, по которой мы до сих пор не разорились.

Раньше мы продавали всего дюжину в день, но, когда поползли слухи о романе моей сестры с наследным принцем Весско, фанатки, любители королевской семьи, просто любопытные прохожие и психи-сталкеры повыползали бог знает

откуда... прямо к нашей двери.

Бизнес процветает, но это палка о двух концах.

С деньгами теперь немного меньше проблем, но рабочая нагрузка удвоилась, и с отъездом моей сестры рабочая сила сократилась вдвое. На самом деле даже больше – осталась скорее треть, потому что именно Оливия всем заправляла. До недавнего времени я была абсолютной лентяйкой. Вот почему я была непреклонна в том, что она поедет в Весско, – я поклялась, что со всем тут справлюсь, пока ее не будет.

Я у нее в долгу, и я об этом знаю.

И если я действительно собираюсь сдержать свое обещание, мне нужно быстрее шевелить задницей и заканчивать с пирогами.

Я посыпаю тесто мукой и раскатываю его тяжелой деревянной скалкой. Как только оно становится идеального размера и толщины, я переворачиваю скалку и пою в нее, как на сцене «Американ айдол».

– Названивая Глориииии...

А потом я оборачиваюсь.

– АААААААААААААА!

Не раздумывая, я вскидываю скалку вверх и бросаю ее, как томагавк... прямо в голову парня, который стоит за кухонной дверью.

Я не слышала, как он вошел.

И он ловит летящую скалку, не дрогнув – одной рукой, как ниндзя, – всего в паре сантиметров от своего идеального лица.

Он наклоняет голову, оглядывая скалку, и встречается со мной взглядом проникновенных карих глаз.

– Хороший бросок.

Логан Сент-Джеймс.

Телохранитель. Невероятно крутой. Самый сексуальный парень, которого я видела в своей жизни – и это включая книги, фильмы и телепередачи, зарубежные и наши.

Он – идеальное сочетание мальчика-красавчика, которого я могла бы встретить у себя в школе, и чего-то горячего, мучительно таинственного. Если бы Супермена из комиксов, Джеймса Дина, Джейсона Борна и еще какого-нибудь парня с самым гладким, самым совершенным голосом в британо-шотландском стиле с вессконским акцентом объединить в одного человека, то получится гребаный Логан Сент-Джеймс.

И я только что пыталась убить его с помощью скалки, стоя за прилавком в коротких шортах от пижамы с «Риком и Морти», футболке с Винни Пухом, которую я ношу с восьми лет, и тапочках с Губкой Бобом.

И без лифчика.

Не то чтобы у меня там наверху много чего есть, но все же...

– Гребаный Иисус! – я хватаюсь за грудь, как старуха с кардиостимулятором.

Логан морщит лоб.

– Не слышал такого раньше.

О черт, он что, видел, как я танцую? И как прыгаю? Боже, убейте меня.

Я выдергиваю наушники из ушей.

– Какого черта, чувак?! Пошуми чем-нибудь, когдаходишь, – дай девушке понять, что она тут не одна. У меня чуть сердечный приступ не случился. И я могла бы убить тебя своими ниндзя-приемами.

Уголок его рта кривится.

– Не могла.

Он кладет скалку на прилавок.

– Я постучал в кухонную дверь, чтобы не напугать тебя, но ты была занята своим... выступлением.

Кровь и жар приливают к моему лицу. Я хочу просто растечься по полу, а затем просочиться до самого ядра Земли.

Логан показывает на вход в кофейню.

– Дверь была не заперта. Я думал, Марти собирался заменить сломанный замок?

Испытывая облегчение от того, что у меня есть причина на него не смотреть, я поворачиваюсь и достаю из ящика разобранный замок – все еще в упаковке.

– Он купил его, но у нас было много дел, и у него не было времени его поставить.

Логан поднимает замок и вертит в руках.

– Я позабочусь об этом.

– Тебе нужна отвертка?

– Нет, у меня есть инструменты в машине.

Я опираюсь локтем на стойку, глядя на него снизу вверх. Логан действительно высокий. И не только потому, что я сама ростом метр шестьдесят. Он такой высокий-высокий. Длинный – как сексуальное дерево. И солидный – широкая грудь в черной рубашке. И ремень.

– Ты как бойскаут, да?

Это я так пытаюсь флиртовать – возможно, чуть менее успешно, чем в «Грязных танцах». Я принесла арбуз...[1 - Цитата из культового фильма «Грязные танцы». Речь идет о сцене, в которой юная главная героиня Бэби приносит на закрытую танцевальную вечеринку арбуз.]

Он снова делает эту причудливую штуку со ртом.

– Даже близко нет.

В том, как он это говорит, есть что-то от плохого парня – явный намек на запретное, – от чего у меня колотится сердце и отвисает челюсть.

Чтобы скрыть свою реакцию, я энергично киваю.

– Верно, я тоже... Никогда не была...

Слишком энергично.

Так энергично, что мой локоть скользит по муке, и я чуть не разбиваюсь насмерть. Но Логан не только большой и мускулистый – он еще и быстрый. Достаточно быстрый, чтобы успеть схватить меня за руку и талию, прежде чем я шлепнусь головой о разделочную доску.

– С тобой все в порядке, Элли?

Он наклоняется, пристально глядя на меня – взгляд, который я увижу во сне сегодня ночью... Если вообще засну. И, вау, у Логана потрясающие ресницы. Густые, длинные и черные. Держу пари, это не единственная часть тела, которая у него толстая и длинная.

Мой взгляд устремляется вниз, на землю обетованную, и на его брюки, достаточно узкие, чтобы подтвердить мои подозрения – конечно, может, у него в кармане служебный револьвер, но тогда это точно «магнум».

Ням.

– Да, я в порядке. – Я вздыхаю. – Просто... ты знаешь... я устала. Но все классно... все супер.

И я встряхиваюсь, как будто это правда.

Он кивает и отходит.

– Сейчас я сделаю замок. А потом дам тебе ключ. Храни его при себе, не теряй. С этого момента ты запираешь за собой дверь, когда уходишь, и держишь ее запертой, когда остаешься одна. Поняла?

Я снова киваю. Ливви, должно быть, с ним разговаривала. Я не виновата, что ключи постоянно от меня убегают. Я кладу их в определенное место, чтобы всегда знать, где они, – и, клянусь богом, у них тут же вырастают ноги, и они сматываются.

Скользкие, маленькие трюкачи.

* * *

После того как я достаю последний пирог из духовки и ставлю его на стеллаж, я лечу вверх, чтобы собраться в школу. У меня нет ни времени, ни классного гардероба, как у некоторых девочек в моей школе, но я по максимуму использую что есть: темные джинсы, прозрачный бледно-розовый топ с короткими рукавами и белой майкой под ним, черные ботинки без каблуков, черную кожаную куртку, которую я откопала в комиссионке в прошлом году.

Мне нравятся украшения, нравится звенеть, когда я иду, – как живая музыкальная шкатулка. На каждом пальце дешевые кольца, дешевые браслеты на запястьях и длинная серебряная цепочка.

Я не делаю контуринг и не рисую себе светлые брови темно-коричневым карандашом, как Кайли Дженнер, – я бы выглядела как сумасшедшая серийная убийца. Но я мажу консилер под глаза – выдавливаю почти целый тюбик – плюс немного туши для ресниц и светло-розовый блеск для губ.

Когда я спрыгиваю с задней лестницы за несколько минут до шести утра, Логан уже заканчивает с замком и разговаривает с нашим официантом Марти на кухне.

Марти МакФлай Гинзберг не просто наш сотрудник – он наш с Ливви старший брат от другой матери. При условии, что наша общая другая мама была бы черной, еврейкой, лесбиянкой и чертовски крутой. Марти – это бомба-точка-ком.

– Привет, Цыпленок. – Он обнимает меня. Этот парень не скупится на объятия. – Как у тебя дела? Что-нибудь слышала от Лив?

Я киваю.

– Она прислала тебе фотографию своей комнаты? – Марти вздыхает.

– Как будто она умерла и отправилась на небеса Нейта Беркуса. – Он убирает прядь моих волос с зелеными концами. – Как здесь обстояли дела прошлой ночью?

– Нормально. – Я зеваю. – Я не ложилась, но это не новость.

Марти мелет кофейные зерна, заполняет два фильтра и начинает заваривать первый из множества кофейников.

– Как там твой отец, держится?

– Да вполне, я думаю. Он не приходил домой.

Это случается не так уж часто, но достаточно, чтобы не быть событием. По крайней мере для меня.

Логан медленно поворачивается в мою сторону.

– Что ты имеешь в виду?

Я пожимаю плечами.

– Его все еще нет дома. Наверное, расстроился из-за отъезда Лив, надрался и вырубился в баре или на ближайшей скамейке. Такое иногда случается.

Глаза телохранителя, кажется, начинают искриться – как будто внутри его разгорается огонь.

– Ты хочешь сказать, что провела ночь наверху совсем одна, с незапертой гребаной дверью на первом этаже?

– Да. Но со мной был Боско.

Боско – это наша собака, смесь ши-цу и чихуа-хуа. Он не совсем подходит на роль сторожевой собаки – если только план не в том, чтобы напугать незваных гостей до смерти своей отвратительно-ванильной моськой. А уж если грабитель попытается украсть хот-доги из холодильника, он не выберется отсюда живым. За хот-доги Боско глотку разорвет.

– Да забей, Логан.

Логан смотрит на Марти, и они обмениваются тайными взглядами клуба-мужчин-и-парней. Когда он поворачивается ко мне, его лицо и голос становятся каменными. Он определенно в бешенстве.

– Мы будем работать посменно – я и парни. Мы можем оставаться здесь, в закуской, если тебе неудобно с нами в квартире, но с этого момента кто-то будет здесь с тобой круглосуточно. Ты больше не будешь одна. Поняла?

Я медленно киваю, чувствуя, как по венам разливается тепло, как будто моя кровь становится газированной.

– Хорошо.

Так вот каково это, когда кто-то за тобой присматривает.

Не поймите меня неправильно – моя сестра словила бы за меня пулю и все равно поднялась бы и уничтожила человека, который сделал выстрел. Но это совершенно другое дело.

Он еще горячее. Больше похож на Тарзана. Более спокойный. Я – приоритет этого крутого, красивого парня. Он будет заботиться обо мне, защищать меня... как будто это его работа.

Но ведь это так.

Я знаю от Лив, что Николас считает постоянную опеку ужасной. Но для меня это просто... очень приятно.

По заднему переулку с грохотом проезжает грузовик.

– Это датская доставка, – говорит Марти. – Если он снова попытается всучить нам раздавленные в дерьмо пирожные, мне придется проломить кому-то череп. – Он хрустит костяшками пальцев. – Я скоро вернусь.

Когда он выходит через заднюю дверь, моя подруга Марлоу проскальзывает через нее на кухню.

– Эй, сучка. Ты готова идти?

– Да, пять минут.

Марлоу из богатой семьи. Ее отец – менеджер трастового фонда и в некотором роде придурок. Ее мама очень красивая и очень грустная, и я никогда не видела ее без бокала Пино Гриджио. Они не отправляют Мар в частную школу, хотя могут себе это позволить, потому что хотят, чтобы у нее была «выдержка». Уличная смекалка.

Уж не знаю, влияние ли это государственной образовательной системы или для нее это естественно, но, если бы мне пришлось ставить на девушку, которая, скорее всего, будет править миром, я бы поставила денег на Марлоу.

– Входная дверь заперта – что с ней?

– Логан починил замок, – говорю я ей.

Ее ярко-красный рот в форме сердечка складывается в улыбку.

– Хорошая работа, Кевин Костнер. Но тебе придется прилепить ключ Элли на лоб, иначе она его потеряет.

Она тоже вечно придумывает парням прозвища, и, когда ее любимый охранник, Томми Салливан, через несколько минут входит к нам, Марлоу использует одно из своей коллекции.

– Привет, Вкусняшка. – Она накручивает свои упругие волосы медового цвета на палец, выпячивает бедро и наклоняет голову, как пинап-модель.

Томми, веселый парень и любитель пофлиртовать, подмигивает.

– Привет, милая, несовершеннолетняя девочка. – Затем он кивает Логану и улыбается мне. – Ло... Доброе утро, мисс Элли.

– Привет, Томми.

Марлоу с важным видом выходит вперед.

– Три месяца, Томми. Три месяца до того, как я стану совершеннолетней – и тогда я попользуюсь тобой, произдеваюсь и выброшу.

Темноволосый дьявол ухмыляется.

– Как раз так я себе и представляю идеальное свидание. – Он показывает на заднюю дверь. – Что ж, мы готовы к очередному веселому учебному дню?

Один из телохранителей провожает меня в школу с тех пор, как общественность и пресса сошли с ума от все еще-технически-неподтвержденных отношений Николаса и Оливии. Они следят за тем, чтобы ко мне никто не приставал, и еще они возят меня в тонированном пуленепробиваемом внедорожнике, когда идет дождь – это не так уж плохо.

Я хватаю свою модную сумку.

– Не могу поверить, что не подумала об этом раньше. Эльль, сегодня вечером тебе просто необходима масштабная попойка, – говорит Марлоу.

Томми и Логан не смогли бы синхронизироваться лучше, даже если бы репетировали:

– Ни за что, мать вашу.

Марлоу поднимает руки ладонями вверх.

– Разве я сказала «попойка»?

– Масштабная попойка, – поправляет Томми.

– Нет, не так, черт возьми. Я имела в виду, всего парочка друзей... потусоваться. Совсем чуть-чуть. Очень по-взрослому. Ну как... почти как вместе поработать.

Я играю со своей цепочкой и говорю:

– На самом деле идея неплохая.

Устраивать вечеринку, когда родители в отъезде, – это обряд перехода в высшую школу. И после этого лета Лив, скорее всего, больше никогда не уедет. Сейчас или никогда.

– Это ужасная идея. – Логан хмурится.

Он выглядит немного пугающе, когда хмурится. Но все равно сексуально.

Возможно, даже больше.

Марлоу делает шаг вперед, ее стальные яйца гордо торчат перед ней.

– Ты не сможешь ее остановить – это не твоя работа. Это как когда близнецов Буш арестовали в том баре с фальшивыми удостоверениями личности или Малию поймали за курением травки на Коачелле. Секретная служба не имела

права их останавливать; они просто должны были убедиться, что их не убьют.

Томми засовывает руки в карманы, расслабленно откидываясь назад, несмотря на конфронтацию.

– Мы можем позвонить ее сестре. Готов поспорить, она и через океан ее остановит.

– Нет! – Я слегка подпрыгиваю. – Нет, не беспокойте Лив. Я не хочу, чтобы она волновалась.

– Мы можем просто заколотить здесь все двери и окна, – предлагает Логан.

Ну это уже перебор.

Я встаю перед двумя телохранителями и излагаю свою позицию.

– Я понимаю, почему вы беспокоитесь, окей? Но у меня есть кое-что – это мой девиз. Я хочу высосать лимон.

Глаза Томми выпучиваются.

– Высосать что?

Я смеюсь, качая головой. Парни такие глупые.

– Ты знаешь поговорку: «Когда жизнь дает тебе лимоны, сделай лимонад»? Ну, вот, я хочу высосать лимон досуха.

Ни на одного из них, похоже, это не произвело особого впечатления.

– Я хочу прожить каждую секунду жизни, испытать все, что она может мне предложить, хорошее и плохое. – Я задираю джинсы, чтобы показать свою лодыжку – и маленький лимон, который я там нарисовала. – Видите? Когда мне исполнится восемнадцать, я набью татуировку по-настоящему. Как напоминание о том, что нужно жить так полно, так много и так потрясающе, как я смогу, –

ничего не принимать как должное. И мои друзья сегодня вечером – часть этого плана.

Я перевожу взгляд с одного на другого. Томми сдается – я это чувствую. Логан все еще как кирпичная стена.

– Маленькая вечеринка. И мы тихо – клянусь. Полностью под контролем. И кроме того, вы, ребята, будете здесь со мной. Что может пойти не так?

Все.

Все идет чертовски не так.

К десяти тридцати зал кофейни заполняется людьми, стоящими плечом к плечу. И я никого из них не знаю. На столах повсюду пустые бутылки из-под пива, а на кухне пахнет как в нарколаборатории.

Как я попадаю в такие ситуации? Почему со мной это происходит? И где, черт возьми, Марлоу?

Мимо меня протискивается матрос.

Да, настоящий гребаный моряк – как Папай – в белой форме. И сейчас даже не Неделя флота!

– Ты тоже его видишь? – Я заикаюсь, обращаясь к Логану, который с неодобрением смотрит на меня так пристально, что его лицо практически превращается в камень. И все равно он чертовски сексуален.

– Я же тебе сказал, что это плохая идея, – рычит Логан.

Я топаю ногой.

Потому что я взрослая. Ну почти.

– Ты не должен так говорить! Ты не должен говорить: «Я же тебе сказал», – это грубо!

– Мне плевать, что это грубо; ты должна меня слушаться. С этого момента делай то, что я говорю, поняла?

У меня на кончике языка вертится вопрос, что он сделает, если я не послушаюсь. Отшлепает меня? Свяжет? Прикует наручниками к себе? Если таковы последствия неповиновения специальному агенту секси-личико, то я готова стать плохой девочкой.

Прежде чем я успеваю задать этот вопрос, грохот с кухни вырывает меня из знойных извращенных фантазий и возвращает в отстойную реальность.

Музыка такая громкая, что деревянные стулья вибрируют; еще минута, и сосед вызовет полицию. Я устала, и к тому же эти сукины дети едят пироги! Я замечаю троих – нет, четверых, – они стоят, разговаривают и руками запихивают в рот завтрашние пироги. Ублюдки!

– Ты прав. Я сдаюсь. Давай успокоимся.

Темно-карие глаза Логана закатываются к потолку.

– Наконец-то.

Я складываю руки, прокручивая все в голове.

– Итак, может, сделаешь эту свою штуку пальцами, чтобы привлечь всеобщее внимание? А я встану на стул и скажу: «Спасибо вам всем, что пришли. Это здорово. Я надеюсь, что вы...»

Тут я понимаю, что Логан не слушает. Потому что он больше не стоит рядом со мной. Он стоит у стереосистемы – выключает музыку, затем складывает ладони рупором у рта.

– Убирайтесь к чертовой матери!

О, тщеславие! Имя тебе не Логан Сент-Джеймс.

* * *

– Знаешь, ты мог бы и помочь.

После того как вечеринка закончилась, Логан отправил Томми домой – сказал, что он выйдет в ночную смену, а кто-то из парней сменит его утром. Что он хочет убедиться, что все приведено в порядок.

У меня такое чувство, что Логан не слишком хорошо справляется с делегированием полномочий.

– Зачем я вообще это делаю? – спрашивает он, водя большим пальцем по экрану телефона. – Я говорил тебе не устраивать эту чертову вечеринку.

Хвала богам, я сделала домашнее задание сразу после школы, в перерывах между выполнением заказов на кухне. Завтра у меня экзамен на четвертом уроке, но я могу позаниматься за обедом. А прямо сейчас я стою на четвереньках, соскабливая и подметая липкие, расплющенные кусочки пирога, прилипшие к полу. Мусорные баки набиты до краев, кухня чистая, столы вытерты. Остался только нижний этаж.

– Это было бы по-джентльменски.

– Я не джентльмен и не подметаю чертовы полы.

– Мило.

Он поворачивает голову в сторону, как будто собирается что-то сказать, но тут в дверь входит мой отец.

Спустя двое суток.

Он вваливается внутрь – не сказать чтобы пошатывается, но нетвердо держится на ногах, глядя прямо перед собой.

Как и Логан, мой отец высокий – широкоплечий, – и он обладает грубоватой, рабочей красотой. Из тех парней, которые принимают душ после работы, а не до. По крайней мере он был таким раньше.

Теперь, особенно когда он выходит из запоя, он постоянно горбится, из-за чего выглядит сутулым и старше своих лет. Его фланелевая рубашка мятая и грязная, а черно-седые волосы свисают на глаза.

– Что это, Элли? – бормочет он.

И самое странное – я надеюсь, что он накричит на меня. Накажет. Отберет телефон. Как сделал бы нормальный родитель, обычный отец... которому не наплевать.

– У меня, э-э, тут были кое-какие гости. Мы немного повеселились. Я все уберу перед завтрашним открытием.

Он даже не смотрит в мою сторону. Просто коротко кивает, и то этот жест я замечаю только потому, что смотрю на него в упор.

– Я иду спать. Я приду, чтобы помочь Марти, когда ты уйдешь в школу.

Затем он пробирается между столами и через вращающуюся кухонную дверь идет к задней лестнице, которая ведет в нашу квартиру наверху.

Я опускаю голову и возвращаюсь к мытью пола.

Несколько минут спустя, не поднимая глаз, я говорю Логану:

– Ты не должен этого делать, ты знаешь.

– Не должен делать что?

– Волноваться. Ты весь напряжен, как будто думаешь, что он собирается меня обидеть или что-то в этом роде. Он едва может справиться с силами, чтобы просто заговорить со мной – он никогда бы меня не ударил.

Логан смотрит на меня сверху вниз своими глубокими темными глазами, как будто видит меня насквозь, читает мои мысли.

– Речь не про его кулаки. Есть множество способов причинить людям боль. Разве нет?

Обычно меня это не напрягает. Я этого не позволяю. Но последние несколько дней были не такими, как всегда. И большие, мучительные слезы выступают у меня на глазах.

– Он ненавидит меня, – тихо говорю я. Но затем рыдание сотрясает мою грудь и плечи. – Мой отец ненавидит меня.

Логан сдвигает брови и через мгновение делает глубокий вдох. Затем с грацией, удивительной для парня такого роста, он подходит и опускается на пол рядом со мной, упершись предплечьями в колени, спиной к стене.

Он наклоняется ближе и мягко шепчет:

– Не думаю, что это правда.

Я качаю головой и вытираю щеки.

– Ты не понимаешь. Я болела. В ту ночь, когда убили маму, у меня болело горло, я кашляла. Я без конца ныла. Аптека в конце квартала была закрыта на ремонт, поэтому она поехала на метро.

Когда твое детство проходит в городе, родители довольно рано проводят с тобой беседу о грабежах. О том, что никакое количество денег или драгоценностей не стоят твоей жизни. Так что, если кто-то потребует эти вещи, просто отдай их. Их можно заменить – а тебя нельзя.

– Он написал нам письмо из тюрьмы несколько лет назад – тот парень, который это сделал. Он сказал, что ему жаль, что он не хотел в нее стрелять, что пистолет просто... выстрелил.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Логан внимательно смотрит и слушает.

– Я не знаю, как кто-то вообще может подумать, что подобные вещи могут успокоить людей. Что он сожалеет. Что он не хотел делать то, что сделал. Что дело не в нас. Во всяком случае, это просто еще раз доказывает, что она оказалась не в том месте и не в то время. И что... если бы меня не существовало, любовь всей жизни моего отца была бы жива. Я не драматизирую, это просто факт. И именно поэтому он даже не может взглянуть на меня.

Несколько минут мы молчим. Я сижу на коленях, Логан смотрит прямо перед собой.

Затем он потирает шею и спрашивает:

– Ты же знаешь, говорят, что Нью-Джерси – это подмышка Америки?

– Я всегда думала, что это бред. Мне нравится Джерси.

– Там, где я вырос – Ист-Амбой, – это как лишай на теле Весско.

Я коротко хихикаю.

– Был там один парень, Алкаш Вилли – все его так называли. Он целыми днями попрошайничал, бродил по улицам и искал по канавам мелочь. Потом покупал самую большую и дешевую бутылку спиртного, какую мог достать.

Ровный звук глубокого голоса Логана, его мелодичный акцент успокаивают. Баюкают, как мрачная колыбельная.

– Но он не всегда был Алкашом Вилли. Когда-то он был Уильямом. А у Уильяма была хорошенькая жена и трое маленьких детей. Они были бедны, мы все были бедны, и они жили в крошечной квартирке с одной спальней на четвертом этаже в доме-развалюхе, но они были счастливы.

Его голос становится низким.

– Уильям работал в ночную смену в супермаркете, разгружал грузовики, заполнял полки. И однажды ночью он поцеловал на прощание свою милую жену, уложил детей в постель и отправился на работу. И когда он вернулся домой... Все, что он любил, все, ради чего он жил, превратилось в пепел.

Я ахаю, вдруг став маленькой и тихой.

– Там был пожар, плохая проводка, и все они оказались в ловушке в этой крошечной квартире и погибли. Все, кроме одного. Самый старший, Брэди, был примерно моего возраста. Он успел выпрыгнуть в окно до того, как до него добрался дым. Он переломал кости на ноге в нескольких местах, но выжил. Кажется, что, потеряв все остальное, Уильям должен был держаться за этого парня обеими руками. Не уходить, никогда не выпускать из виду.

Логан пожимает плечами.

– Вместо этого, как только Брэди выписали из больницы, Уильям позвонил в социальную службу, подписал отказ от всех прав и бросил своего единственного выжившего ребенка.

Он качает головой, его голос смягчается, когда он все вспоминает.

– Когда они пришли, чтобы забрать его, это было самое печальное, что я видел в своей жизни. Брэди стоит на тротуаре, прыгает на костылях, плачет и умоляет своего отца позволить ему остаться. Вилли даже не обернулся. Не попрощался. Просто пошел дальше... и начал искать мелочь.

– Но как же так? – восклицаю я, переживая за ребенка, которого я никогда даже не видела. – Почему он так сделал?

Логан смотрит мне в глаза.

– Чтобы наказать себя за то, что его не было рядом, когда люди, которых он любил, нуждались в нем. За то, что подвел их, не защитил... Это худший грех, который может совершить человек. Если мужчина не может уберечь тех, кто ему дороже всего... он их не заслуживает.

– Но это была не его вина.

– Он считал, что его.

Его голос мягкий. Нежный.

– Я видел лицо твоего отца, когда ты с ним рядом, Элли. Он не ненавидит тебя. Прав я или нет, но он ненавидит себя. Ты напоминаешь ему обо всем драгоценном, что он не сумел сберечь. Он так глубоко погружен в собственную боль, что не видит ни твоей боли, ни боли твоей сестры, ни того, как он все усугубляет. Он слаб, опечален и заиклен на себе, но это его дело – понимаешь? Это не имеет к тебе никакого отношения.

Конечно, все это делу не поможет. Не исправит ситуацию. Но слышать эти слова от кого-то, кто лично во всем этом не замешан и у кого нет причины лгать – облегчение, потому что все вдруг становится не так уж ужасно.

И вот тогда я чувствую усталость. Она обрушивается на меня, как стремительный поток воды – сильно и быстро, и в один миг сбивает с ног. Я ощущаю себя так, словно мне семьдесят, а не семнадцать. По крайней мере я представляю, как буду чувствовать себя в семьдесят.

Я прикрываю зевот тыльной стороной ладони.

– Иди в постель, подруга. – Логан встает, отряхивает брюки и поднимает с пола метлу. – Я тут закончу.

Я тоже поднимаюсь.

– Я думала, ты не подметаешь гребаные полы?

Логан подмигивает. И прямо там, в этой полутемной маленькой кофейне, он навсегда крадет кусочек моего сердца.

– В твоём случае я сделаю гребаное исключение.

Он начинает подметать, но, когда я подхожу к кухонной двери, я останавливаюсь.

– Спасибо, Логан. За все.

Секунду он смотрит на меня, затем легко кивает.

– Не нужно меня благодарить, я просто делаю свою работу.

3. Логан

В течение следующих двух недель мы привыкаем к новому ритму. Я выхожу на дежурство в кафе рано утром, вместе с Элли, а потом, как только Томми уезжает с ней в школу, помогаю Марти на кухне готовить заказы, мыть посуду. Не слишком благородная работа, но она достаточно напряженная, энергичная, и время идет быстро. Я остаюсь до ужина, когда кто-то из парней – Кори или Лиам – выходит на ночное дежурство.

Мне нравится рутина – она стабильна, предсказуема, проста в управлении. Одно и то же изо дня в день.

За исключением песен. Тех, которые Элли врубает на кухне в четыре утра, пока печет. Они всегда разные, как будто у нее бесконечный плей-лист. Некоторые из них ей, кажется, нравятся больше других, и она ставит их на повтор. Сегодня это «What a feeling» из фильма о стриптизершах восьмидесятых. Вчера было «I Want You to Want Me», а до этого была «Son of a Preacher Man».

И она постоянно танцует. Скачет вокруг, как солнечный зайчик, отражающийся от зеркал.

Однажды я спросил:

– А музыка обязательна?

И она просто улыбнулась своей милой улыбкой и ответила:

– С музыкой пироги вкуснее, глупый.

Однако этим утром Элли выглядит особенно усталой, с темными кругами – почти синяками – под своими детскими голубыми глазами. И на краю прилавка у нее разложены книги и записи, на которые она время от времени бросает взгляд, бормоча что-то себе под нос, пока готовит тесто для пирога.

– Ты много учишься, – говорю я.

Она хихикает:

– Приходится – я на финишной прямой. Я и Бренда Рэйвен отвечаем за прощальную речь. Осенью меня уже приняли в Нью-Йоркский университет, но выпуститься первой из всего класса было бы вишенкой на моем академическом торте.

На первый взгляд Элли Хэммонд выглядит... ветреной. Как будто у нее в голове слишком много воздуха. Но в ней сложно ошибиться. Она не пустоголовая; она просто... невинная. Доверчивая. Счастливая. Наверное, самая веселая девушка, которую я когда-либо встречал.

– Ты учился в колледже? – спрашивает она.

– Нет.

Воспитательница сказала мне, что у меня дислексия, когда мне было девять. Было облегчением узнать, что я не просто тупица. Она научила меня кое-как справляться, но даже сейчас чтение дается мне нелегко.

– Я был не особо хорош в школе.

Я подхожу ближе к стойке, кладу руку на ручку ее скалки.

И Элли замирает, как нежный белокурый олень.

– Дай я, – говорю я. – А ты иди готовься. Я много раз видел, как ты их делаешь, так что справлюсь.

Она смотрит на меня так, словно я только что предложил ей весь мир на блюдечке.

– Правда?

– Конечно. – Я пожимаю плечами, игнорируя поклонение в ее глазах. – Я же стою тут без дела.

Я не люблю быть бесполезным.

– Ах... ладно. Спасибо. – Она открывает ящик стола и протягивает мне белый фартук. – Но тебе стоит надеть это.

С таким же успехом она могла бы протянуть мне таракана.

– Я похож на парня, который носит фартук?

Элли пожимает плечами.

– Будь по-твоему, мистер я-слишком-сексуален-для-моего-фартука. Но твоя черная рубашка не будет выглядеть такой крутой, если ее заляпать мукой.

Я фыркаю. Но оставляю чертов фартук на прилавке. Ни за что.

* * *

В занятии выпечкой есть странное удовольствие, в котором я никогда бы не признался вслух. Это приходит мне в голову, когда я кладу последний из двух дюжин пирогов на охлаждающий стеллаж в центре прилавка. Они выглядят хорошо – с золотистыми, слегка коричневыми корочками, – а пахнут еще лучше. Элли захлопывает свой большой учебник и убирает бумаги с яркой белозубой улыбкой, занимающей половину ее лица.

– Боже, мне это было нужно. Теперь я смогу запросто сдать экзамен.

Она чувствует облегчение. И мне от этого тоже хорошо.

Мы направляемся в передний зал и снимаем стулья, стоящие вверх ножками, со столов. Ее пристальный взгляд следит за каждым моим движением – она пытается остаться незамеченной, – отводит глаза, когда я оглядываюсь, но меня так оглядывали достаточно женщин, чтобы я понял, что происходит. Интерес Элли отягощен любопытством и очарованием, как исследующее прикосновение мягких рук к моей коже. Она распахивает штору на окне, открывая толпу покупателей, которые уже собрались на тротуаре. Их меньше, чем было несколько недель назад, – общественность уже знает, что наследный принц Весско покинул здание и страну.

Элли возвращается на кухню... и орет так, как будто там кого-то убили.

– Не-е-е-ет!

Адреналин бьет мне в голову, и я бросаюсь на кухню, готовый к бою. Пока не вижу причину ее крика.

– Боско, неееет!

Это собака-грызун. Он пробрался на кухню, каким-то образом смог вскарабкаться на стеллаж и сейчас уничтожает четвертый пирог.

Черт возьми, впечатляет, как быстро он их слопал. И как дворняга его размера вообще могла съесть столько. Его живот выпирает от нечестно нажитого – как у змеи, проглотившей обезьяну.

– Вороватый ублюдок! – кричу я.

Элли сгребает его со стойки, и я тычу пальцем ему в морду.

– Плохая собака.

Маленький придурок просто огрызается в ответ.

Элли бросает дворняжку на ступеньки, ведущие в квартиру, и захлопывает дверь. Затем мы оба поворачиваемся и оцениваем масштаб катастрофы. Два яблочных и вишневый полностью съедены, он пооткусывал края персикового и яблочно-карамельного и оставил крошечные отпечатки лап на двух лимонных меренгах.

– Придется перепекать все семь, – говорит Элли.

Я складываю руки на груди.

– Похоже на то.

– Это займет несколько часов, – говорит она.

– Да уж.

– Но мы должны. Другого варианта нет.

Повисает тишина. Тяжелое, многозначительное молчание.

И как будто нас пронзает одна и та же мысль, в одно и то же время.

Я искоса бросаю взгляд на Элли, а она уже поглядывает на меня.

– Или... есть? – лукаво спрашивает она.

Я смотрю на то, что осталось от испорченной выпечки, взвешивая все варианты. – Если мы отрежем пожеванные кусочки...

– И разровняем меренгу...

– Положим облизанные в духовку, чтобы они высохли...

– Вы что, мать вашу, с ума сошли?

Я оборачиваюсь и вижу Марти, стоящего в проходе за нами. Он все слышал, и он в шоке. Элли пытается прикрыть нас. Но у нее плохо получается.

– Марти! Когда ты приехал? Мы не собирались делать ничего плохого.

Операции под прикрытием явно не для нее.

– Ничего плохого? – передразнивает он, входя в комнату. – А как насчет закрытия кофейни чертовым департаментом здравоохранения? Например, за то, что кормим людей пирогами с собачьей слюной – ты что, совсем сдурела?

– Это была просто мысль, – клянется Элли, начиная смеяться.

– Минутная слабость, – говорю я, поддерживая ее.

– Мы просто очень устали и...

– И слишком долго пробыли на этой кухне. – Он указывает на дверь. – Пошли вон, оба.

Когда мы не двигаемся, он идет за метлой.

– Давай-давай!

Элли хватается свой рюкзак, и я веду ее к задней двери, в то время как Марти бросается на нас, как на паразитов.

* * *

На тротуар капает дождь – легкая, противная дымка. Краем глаза я вижу, как Элли натягивает капюшон, но мой взгляд остается устремленным вперед. Если твои глаза направлены на человека, которого ты охраняешь, ты все делаешь неправильно.

Я обращаю внимание на тех, кто находится на улице, читая язык их тел, – пешеходы по дороге на работу, бездомный на углу, я не отхожу далеко от Элли,

держа ее в пределах досягаемости, сканируя местность слева направо на предмет потенциальных угроз или любого, кто по глупости решит подойти слишком близко. Это как вторая натура.

– Тебе нужно уже бежать в школу?

– Еще нет. Это последняя неделя, так что у меня первый и второй уроки факультативы.

Не глядя на телефон, я пишу Томми, что отвезу Элли в школу – он должен встретить нас там.

Дождь усиливается, в сером небе вспыхивает молния.

– Есть какое-то конкретное место, куда ты хочешь пойти?

Я не хочу, чтобы она промокла и заболела.

– Я знаю одно место. – Ее маленькая ручка хватается меня за запястье. – Пошли.

К тому времени, как мы проходим через каменную арку Метрополитен-музея, уже льет как из ведра, вода стекает по ступенькам сотнями маленьких ручейков. В фойе с мраморным полом тепло и сухо. Элли стряхивает воду со своей толстовки и отжимает длинные, разноцветные волосы, и я улавливаю ее запах. В нем сладкий персик, флердоранж и дождь.

– Моя мама часто приводила сюда меня с Оливией.

Я тянусь за кошельком, но Элли показывает студенческий билет и протягивает два ваучера билетеру.

– У меня гостевые абонементы, – говорит она, – утреннее посещение для студентов.

Я никогда не был в музее – во всяком случае, не в качестве посетителя. Королевская семья посетила больше музейных мероприятий и гала-концертов, чем я могу сосчитать, но мое внимание было приковано не к экспонатам. Я иду

рядом с Элли из одной похожей на пещеру комнаты в другую, и она болтает без умолку, как будто ее рот не может оставаться без движения ни секунды.

– Ты всегда хотел быть телохранителем?

– Нет, – бурчу я.

– Кем ты хотел быть?

– Хотел делать то, в чем я хорош.

Она наклоняет голову и смотрит на меня.

– Как вышло, что ты стал телохранителем Николаса?

– Я служил в армии. У меня это хорошо получалось – меня отобрали для специальной стажировки.

– Типа Джеймс Бонд, морской котик, да?

– Что-то вроде того, да.

Элли качает головой, когда думает. Ее золотистые волосы сейчас высыхают, и на них появляется мягкая волна. Она останавливается перед египетской экспозицией, свет, отраженный от саркофага, отбрасывает на ее черты теплые тени.

– Ты убивал кого-нибудь, когда служил в армии?

Я осторожен со своим ответом.

– Какая там поправка в вашей Конституции защищает людей от показаний против себя?

– Пятая.

Я киваю.

– Я ей воспользуюсь. Это окончательный ответ.

Она моргает своими длинными светлыми ресницами, глядя на меня.

– Значит, да. Черт, Логан, ты как крутой убийца.

Я фыркаю.

– Я этого не говорил.

– Ты и «нет» не сказал.

Через несколько шагов она добавляет:

– Я не думаю, что могла бы убить человека.

– Ты бы удивилась, узнав, на что ты способна в определенных ситуациях.

– Если бы ты кого-то убил... тебе было бы плохо?

Я провожу языком по внутренней стороне щеки и отвечаю честно, не заботясь о том, как это прозвучит:

– Нет. Я бы не чувствовал себя плохо. Некоторых людей нужно убивать, Элли.

Я открываю для нее дверь, и она что-то напевает себе под нос, проходя внутрь – в выставочный зал моды со слабым освещением и соблазнительными красными стенами.

– А как насчет темной одежды? – спрашивает она, когда мы идем по коридору. – Это что-то вроде обязательного дресс-кода, которому вас учат в школе телохранителей?

Я смотрю на нее сверху вниз.

– Ты задаешь много вопросов.

– Мне нравится все знать. – Она пожимает плечами. – Я общительный человек. Так что там с одеждой?

Я тереблю пальцем темно-синий галстук на шее – тот самый, который, насколько я помню, ей нравится.

– У рыцарей есть доспехи; у нас темная одежда. Мы должны смешаться с толпой.

– Невозможно! Ты слишком горяч, чтобы слиться с толпой.

Я сдерживаю улыбку. Она кокетливая маленькая штучка – дерзкая; она не умеет скрывать свои чувства и не стала бы, даже если бы умела. Если бы Элли была старше, если бы мы были другими людьми, я бы всерьез задумался о том, чтобы пофлиртовать в ответ. Мне нравится возвращать то, что я получаю.

Из любопытства я спрашиваю:

– Кем ты хочешь быть, когда окончишь школу?

Она вздыхает долго и глубоко.

– Это вопрос на миллион долларов, да? – Она мотает головой взад-вперед. – Если я хочу материальной устойчивости, мне следует пойти в финансы. Стать крутым аналитиком. Я хорошо разбираюсь в цифрах, а бизнесу всегда будут нужны аудиторы.

Я открываю для нее дверь в следующий зал.

– Звучит так, как будто сейчас будет «но».

Ее губы расплываются в улыбке.

– Ноооооо, финансы – это ведь не про меня.

– А что же про тебя, Элли Хэммонд?

– Я хочу быть психологом. Разговаривать с людьми, помогать им справляться с их проблемами. Я думаю, что это сделало бы меня счастливой.

Что-то сжимается у меня в груди, когда я смотрю на нее – на эту добрую девушку. Я хочу, чтобы у нее все получилось, она заслуживает быть счастливой.

Элли останавливается и поворачивается к экспозиции прямо перед ней. Это кровать с балдахином на четырех столбиках, богато украшенная и занавешенная замысловатой, отделанной золотом тканью королевского синего и фиолетового цветов. Она читает описание с таблички на стене.

– Постель Его Величества короля Реджинальда Второго и Королевы Маргариты Анастасии Весско. Это родители королевы Леноры, верно?

– Да.

Она снова смотрит на кровать и тоскливо вздыхает.

– Ух ты. Не могу себе представить, что можно жить так каждый день. Слуги, замки и короны – насколько это волшебно? – Она указывает на роскошную кровать. – Королева Ленора вполне могла быть зачата на этой кровати, прямо здесь!

Я вздрагиваю при этой мысли.

– Давай не будем об этом говорить.

Элли смеется – звук странный, словно мерцающий. Когда мы переходим к следующему экспонату, она спрашивает:

– Какая погода в Весско?

Я смотрю на стеклянный потолок, по которому все еще барабанит дождь.

– Вот такая. В основном мрачно, довольно прохладно – часто идет дождь.

– Я люблю дождь, – говорит она на выдохе. – От него так... уютно. Дайте мне ливень и огонь в камине, мягкое одеяло и чашку чая в крепком кирпичном доме – я бы не захотела уезжать оттуда.

Она рисует очень красивую картину.

Элли останавливается перед картиной с изображением наследного принца Весско, принца Николаса Артура Фредерика Эдварда Пембрука. Это его официальный портрет, заказанный на восемнадцатилетие. Он одет в военную форму, выглядит царственно. Но, поскольку я знаю его, я вижу отстраненность в его лице и равнодушие в его глазах.

Как заложник без надежды на освобождение.

Она пристально смотрит на портрет, и ее голос становится тихим.

– Он ведь собирается разбить сердце моей сестры на тысячу кусочков, правда?

Я делаю паузу, прежде чем ответить.

– Ненамеренно. И не только ее сердце.

4. Элли. Неделю спустя

У меня раскалывается голова.

Но оно того стоило. Ночные дежурства. Зубрежка. Задержка моего и без того не быстрого развития из-за слишком большого количества кофеина – все это того стоило. Потому что теперь все кончено.

Я пересекла финишную черту. Водрузила флаг на вершину горы. Воткнула последний кусочек пазла на место.

Единственная проблема в том, что... здесь нет толпы, которая могла бы реветь от восторга. Мне не с кем поделиться этой новостью. Лив спит на другом конце света, Марти на свидании, мой отец вышел – ну, то есть напился в очередном баре, – а Кори, мой дружелюбный ночной охранник, храпит за столиком в кафе.

Обо мне, вероятно, такого сразу не скажешь, но я люблю делиться. Эта необходимость как вода, воздух или попкорн из микроволновки.

Вот почему я сейчас сделаю нечто глупое. Я даже не сказала Марлоу, хотя она бы одобрила, мерзавка.

Я еду в квартиру Логана. Я знаю, что это глупо, но я просто не могу остановить себя, как магнит не может остановить свое глупое скольжение к своей единственной истинной противоположности.

Несколько недель назад, в музее, я могу поклясться, что почувствовала... что-то. Что-то между нами. Логан надел мой любимый галстук – это ведь должно что-то значить, да?

Логан дал мне адрес квартиры, которую они снимают с другими телохранителями, на случай если мне что-нибудь будет нужно. И сейчас я стою перед ней. Это приличное здание – консьержа нет, ничего особенного, но и не свалка. Я стучу в дверь квартиры 409. Осматриваю холл, шаркая ногами, все еще слыша в голове песню Флитвуд Мак «Silver Springs».

Затем дверь открывается, и я вижу не Логана, а Томми Салливана – как будто никогда не видела его раньше. Без рубашки, в джинсах с низкой посадкой, небрежно свисающих с его бедер, с сигаретой во рту.

Томми – красавчик. Не такой Адонис, как Логан, но все равно красивый мальчик.

– Элли! – Он улыбается: по-видимому, рад меня видеть. Томми всегда рад. Он вынимает сигарету изо рта. – Что ты здесь делаешь, зверек? Все в порядке?

– Да, все в порядке. Логан дома?

Томми вопросительно поднимает брови, но не задает вопросов. Вместо этого он поворачивает голову внутрь квартиры и кричит:

– Ло!

Он высовывается из двери.

– Я бы пригласил тебя войти, но тут не место для такой девушки, как ты. У нас тут все не очень прилично.

И вот мои щеки уже пылают, а воображение рисует разные картины.

Затем Логан заполняет дверной проем с удивленным видом.

Но я едва замечаю выражение его лица.

Потому что Логан тоже без рубашки. И, говоря бессмертными словам Джоуи Лоуренса: вот это да.

Гладкая, подтянутая кожа покрывает его плечи и грудь – бронзовая, за исключением потрясающего вихря красочных татуировок, которые тянутся через плечо и спускаются вниз по руке.

Его руки большие, бугрящиеся мускулами, крепкие. У него есть пресс – много-много пресса, – твердый и рельефный, какой я видела только в тех безумных роликах, рекламирующих программы тренировок.

У него прекрасное тело. Мужское тело.

Он оглядывает холл.

– Что случилось?

– Нет, я...

– Ты здесь одна?

Он, очевидно, недоволен, и я начинаю думать, что, возможно, это была не просто глупая идея, но, возможно, самая глупая идея, которая у меня когда-либо возникала. А за эти годы у меня было несколько таких.

– Да, я...

– Где Кори?

Даже если бы Кори не спал, он не тот, с кем я хотела бы делиться своими новостями. И я не хотела, чтобы он ехал со мной сюда. Мне нужно было поговорить с Логаном – наедине.

– Он остался в кофейне.

– Ты проскользнула мимо него? – спрашивает Логан, как будто сам в это не верит.

– Не совсем так.

Он складывает руки на груди.

– Тогда как ты добралась сюда без него? Ну-ка?

Я пытаюсь придумать хорошее оправдание для Кори... но вранье никогда не было моим коньком.

– Он заснул.

Неправильный ответ. Глаза Логана вспыхивают и выпучиваются.

– Он казался очень усталым. Не злись, Логан.

Он проводит рукой по своим темным волосам, и на мгновение меня поражает, насколько мягкой и мощной она выглядит. Интересно, каково будет ощущать ее между пальцами.

И тут из квартиры раздается голос – голос, который не принадлежит ни одному из парней.

– Ну где ты, Логан. Твоя очередь сдавать.

Она появляется в поле зрения, и она не просто пышногрудая – такое ощущение, что само слово было придумано специально для нее. Блестящие рыжие волосы, безупречная кожа, ноги длиной со все мое тело, обтянутые джинсами скинни, настолько узкими, как будто это боди-арт, узенькая талия и большие сиськи, прикрытые еще более узкой черной майкой.

Она похожа на главного менеджера «Хутерс» в раю для мужчин.

Ее зеленые глаза скользят от Логана ко мне, затем обратно.

– Ой, извините, я не знала, что у вас гости. – Она улыбается. – Это твоя младшая сестренка?

Знаете звук, который издает воздушный шарик, когда сдувается?

Именно его издает мое сердце прямо сейчас.

Он берет ее за обнаженную руку, и меня охватывает самое странное сочетание ощущений – печали и принуждения. Мне хочется плакать... и откусить ему руку, как будто я разъяренный шимпанзе.

– Возвращайся к ним. Скажи Томми, чтобы он сдавал.

Сдавал? Они играют в покер на раздевание?! Убейте меня, убейте меня, умри, умри, умри...

После того как она исчезает, я переступаю с ноги на ногу.

– Извини, что помешала.

– Все в порядке. – Он тихо говорит: – Что тебе нужно, Элли?

– Ничего. Не важно. Тебе следует вернуться к своей... подруге.

Логан качает головой.

– Она подруга Томми.

Но что она для него значит? Больше, чем подруга? Партнерша для секса? Любовница?

У меня сводит живот. Я такая идиотка.

– Это хорошо. Друзья – это хорошо. – Я закидываю руку за плечо. – Я ухожу. Уже сматываюсь.

Потому что ничто так не говорит о том, что ты зрелая, искушенная женщина, как слово «сматываться». Боже правый, кто-нибудь, прибейте мой язык к стене.

– Элли...

Но я уже поворачиваюсь, иду мимо лифта и направляюсь прямо к лестнице, пытаюсь выглядеть достойно, одновременно стирая из памяти образ Логана, прикасающегося к этой женщине.

– Потом, Логан.

– Черт...

Звук хлопающей двери сопровождает меня вниз по лестнице.

Снаружи, на улице, воздух влажный, а машины громко сигналият. Сейчас уже одиннадцать вечера, так что на тротуаре не слишкомлюдно, но достаточно оживленно, чтобы я могла ускользнуть от Логана, если он попытается побежать за мной.

Я смогла бы... если бы имела дело с обычным парнем.

– Элли! Подожди!

В Логане Сент-Джеймсе нет ничего обычного.

Я прохожу один квартал, прежде чем он вырастает прямо передо мной, преграждая мне путь. На нем рубашка, но она застегнута только наполовину.

– Почему ты так быстро убежала?

Я пожимаю плечами, нервно похлопывая по бедрам.

– Ты же знаешь, как это бывает – кое-куда надо успеть, кое с кем встретиться.

Логан наклоняется вперед, опускает голову, ловит мой взгляд и крепко держит его на себе.

– Зачем ты приходила? Скажи мне правду.

– Да это не так уж и важно... – Я вздыхаю, чувствуя себя маленькой и глупой.

– Все равно скажи мне.

Я смотрю вниз на потрескавшийся тротуар.

– Помнишь, на днях был последний экзамен, к которому я готовилась?

Он фыркает.

– Да. По физике, верно?

– Я получила результаты. – Я вытаскиваю бумагу из кармана, приподнимая ее. – Я сдала.

И впервые я говорю вслух:

– А еще я точно выступаю с прощальной речью.

Логан долго смотрит на бумагу. И, когда он берет ее, я чувствую прикосновение его пальца к своему.

– Только подумать, – говорит он с благоговением. – Это здорово. Ты умница. – Его большая рука движется к моему плечу, сжимает его. И я чувствую ее везде. Все тело покалывает от тепла – от кончиков ушей до кончиков пальцев ног. – Поздравляю, Элли.

Мой рот так широко растягивается в улыбке, что на глазах выступают слезы.

– Спасибо. Я просто... я хотела кому-нибудь рассказать.

Ему. Я хотела рассказать ему.

Потому что он прекрасен, даже больше – он заставляет меня чувствовать себя желанной. Ценной и важной, как будто я та, кого стоит защищать. Знать, что этот человек отдал бы свою жизнь, чтобы спасти меня, уберечь от боли и опасности – это опьяняющее ощущение. Возбуждающее, волнующее ощущение.

Я потеряла девственность с Ароном Майерсом после зимнего бала в прошлом году. Я знаю Арона с детства, он хороший парень. Но это была не настоящая любовь, это просто то, чем мы в конечном итоге занимались, и мне было приятно. Хорошие воспоминания.

Но теперь я жалею, что не подождала. Логана. Я знаю, что это глупо и это вряд ли когда-нибудь произойдет, но, если бы в какой-то перевернутой, альтернативной вселенной это случилось – я бы свернула ради него горы. Я чувствую себя более живой, просто стоя рядом с ним, и ничего подобного рядом с другими. Я могу только представлять, мечтать, каково это – оказаться в его объятиях, почувствовать силу его тела, его страсть и нежность, окутывающие меня, проникающие внутрь меня.

– Я рад, что ты мне сказала. – Его рука снова сжимается. – Давай я провожу тебя домой.

– Это не обязательно.

Как бы мне ни нравилось быть рядом с Логаном, я не хочу быть назойливой. Не хочу быть для него обузой.

– Нет, обязательно. Это небезопасно.

Я закатываю глаза к небоскребам.

– Я выросла в Нью-Йорке, это мой город, я знаю его лучше, чем ты. Ради бога, мы ведь в Трайбеке... Здесь не опасно.

– Ты молодая, красивая девушка, Элли. Весь мир опасен для тебя.

И, конечно, среди всех его слов я цепляюсь за «красивая».

Потому что я все еще идиотка.

Полчаса спустя мы заходим в кофейню, где белокурая голова Кори все еще покоится на его руках, лежащих на столе. Логан подходит прямо к нему и пинает ножку стула, чуть не опрокидывая его.

Кори вздрагивает, просыпаясь и бормоча:

– Что, кто? – Он трет глаза. – В чем дело, Ло?

– А вот в чем, – Логан говорит убийственно спокойным тоном, от которого меня бросает в дрожь, – сейчас ты потащишь свою задницу в квартиру, соберешь свое барахло и свалишь домой. Ты уволен.

Вот дерьмо.

Нет, Кори, не делай этого, это не твоя вина.

Я говорю Логану:

– Это не его вина.

Но Логан даже не поворачивается. Он пристально смотрит на бедного Кори. Холодно и безжалостно.

– Ты сам сейчас же захочешь убраться, приятель, или тебе не понравится, как я тебя выселю.

Кори хмуро смотрит на стол. Затем он выталкивает из-под себя стул – так резко, что он падает назад и грохается на пол.

Логан запирает за ним дверь.

– Зачем ты это сделал? Я же сама сбежала. Это я виновата.

Логан показывает на выход.

– Ты ударила его по голове? Подсыпала ему наркотик в чай?

– Нет.

– Тогда это он виноват, и он это знает.

– Но ты мог бы дать ему второй шанс?

– Нет. Не на этой работе. – Он придвигается ближе. – Мы должны быть внимательны и всегда быть начеку. Достаточно одного промаха, чтобы кто-то пострадал или был убит. Что, если бы он заснул, пока тут были твоя сестра и принц? – Его голос становится немного надрывным. – Что, если бы с тобой что-то случилось?

И вот оно, снова. Это чудесное тепло, которое заполняет все мои конечности. Каждым своим словом Логан заставляет меня чувствовать себя драгоценной – и каждым своим вздохом.

5. Логан

День окончания школы Элли выдался солнечный – один из тех ярких, ясных дней, когда небо ярко-голубое, а воздух одновременно прохладный и теплый. Я выезжаю с парковки возле нашей квартиры на черном внедорожнике и направляюсь к «Амелии», чтобы забрать Элли, Марти и ее отца. Томми на пассажирском сиденье. Примерно через десять минут езды он подозрительно смотрит на меня краем глаза.

– Это что, REO Speedwagon?

Я нажимаю на поворотник и сворачиваю налево.

– Что?

– Ты напеваешь «Не могу побороть это чувство...» REO Speedwagon, если я не ошибаюсь.

Ха. Я даже и не заметил.

Мои руки скользят по рулю, я пожимаю плечами.

– Элли составила мне плей-лист... На самом деле он не так уж и плох.

Томми опускает солнцезащитные очки на нос и смотрит на меня поверх оправы.

– Кто ты, черт возьми, сейчас?

Я смотрю на него, сильно хмурясь. Затем показываю средний палец.

Он смеется и возвращает очки на место. Минуту спустя этот придурок откидывает голову назад и напевает:

– Я все еще люблю тебя.

И я уже ищу место, где можно притормозить, чтобы запихнуть его в багажник.

* * *

Десять минут спустя я паркуюсь в переулке за кофейней, и мы с Томми входим на кухню через заднюю дверь.

Нас приветствует орущая Элли...

– Трахни меня в задницу!

Я давлюсь собственной слюной.

– Что ты только что сказала?

Она поворачивается от раковины, широко раскрыв глаза и заикаясь.

– Я не... Я хочу сказать, я никогда не делала этого...

Мои брови взлетают до линии волос.

– Это просто выражение!

Томми бормочет себе под нос:

– Американки вообще странно выражаются.

Элли поднимает вверх маленькую белую туфельку с ремешками.

– У меня сломался каблук. И у меня нет других туфель, которые подходят к этому платью! Я облажалась по полной.

Я жестом указываю на туфлю.

– Дай сюда. – Я верчу ее в руках. – У меня в машине есть суперклей – могу починить.

Она смотрит на меня с обожанием.

– Ты мой герой, Логан. Я могу поцеловать тебя прямо сейчас.

И то, как она это говорит – хрипло и нетерпеливо, – наводит меня на мысль о том, что она не просто использует очередное расхожее выражение.

Я не дурак; я знаю, что Элли по уши в меня влюблена. Я вижу, как она смотрит на меня, когда думает, что я не смотрю: с таким благоговением, что мне кажется, будто я стою на пьедестале высотой в пятьдесят футов. А временами ее взгляд настолько полон желания, что он как будто бьет меня под дых.

Потому что, как бы ни была привлекательна Элли... она еще очень юная и недоступная для меня.

Поскольку мы здесь только на лето, не стоит смущать ее разговорами; я буду продолжать притворяться, что не понимаю, что происходит.

– Вы выглядите просто прелестно, мисс Элли, – говорит Томми.

И это правда. В своем простом светло-розовом платье, с обнаженными тонкими руками, с длинными цветными волосами, завитыми на концах, она выглядит как... принцесса. Ей не хватает только короны.

– Спасибо, Томми.

Марти входит через вращающуюся дверь из столовой, и гигантская связка серебряных и темно-синих воздушных шаров, на которых написаны все возможные поздравления с окончанием школы, отчаянно раскачивается.

– Тебе шариков-то хватит? – спрашиваю я.

Элли хихикает.

– Они от Оливии. Я думаю, она чувствует себя виноватой из-за того, что не сможет присутствовать, но она и не должна.

Томми смотрит на часы.

– Нам нужно идти. Ты же не можешь опоздать на свой собственный выпускной.

– А мне нужно занять место в первом ряду, чтобы посмотреть твоё выступление, – добавляет Марти.

Элли работала над своей прощальной речью последние три дня, круглосуточно. Она засовывает руки в белую выпускную мантию, затем использует стеклянную дверцу шкафа в качестве зеркала, чтобы приколоть шляпу на голову. Черт возьми, она красавица.

– Где твой отец? – спрашивает Томми.

И игривая искорка, которая всегда горит в больших голубых глазах Элли... исчезает в одну секунду.

– Он спит. Он не пойдёт.

Марти кашляет, бросая на меня недовольный взгляд, но не говорит ни слова. Мы все направляемся к машине.

Я разворачиваюсь к багажнику и быстро приклеиваю каблук Элли, затем передаю его ей через окно на заднем сиденье.

– Томми отвезет тебя, я догоню. – Кофейня закрыта на весь день. – Я ещё раз всё осмотрю, удостоверюсь, что всё надёжно заперто.

Она надевает солнцезащитные очки в форме сердечек.

– Хорошо, но не опаздывай. Вы, ребята, единственная группа поддержки, которая у меня есть. Я ожидаю услышать от вас серьёзные «гоу, гоу, гоу».

Я киваю.

– Меня ничто не остановит.

* * *

– Вставай.

Эрик Хэммонд лежит в постели на спине, все еще одетый во вчерашнюю серую футболку и брюки – от него воняет, как от полов в барном туалете. Он не двигается с места, когда я снова его зову, а у меня нет ни времени, ни терпения, чтобы валять дурака.

– Эй. – Я шлепаю его по щеке, сдерживаясь, чтобы не врезать по лицу, потому что нокаут вряд ли ускорит процесс.

– Эй! Пойдем – поднимайся.

– Что? – Он вдыхает, фыркая, и его глаза медленно фокусируются на мне. – Какого черта ты здесь делаешь?

Я подхожу к шкафу, сдвигаю вешалки, ищу костюм.

– Твоя дочь сегодня оканчивает школу. Я проконтролирую, чтобы ты добрался туда, где тебе следует быть.

– Элли? – говорит он в замешательстве.

– О, ты знаешь, что она твоя дочь? Я просто не был уверен, что ты знаешь.

– Это сегодня? – спрашивает он, потирая лицо.

Я нахожу темно-серый костюм и белую рубашку, все еще в пакете из химчистки, и они вроде выглядят сносно.

– Это сегодня. И она произносит прощальную речь.

Он потирает щетину с проседью на подбородке. И опускает голову.

– Черт возьми. Черт возьми. – Он поднимает голову, встречаясь со мной взглядом, его голос похож на шорох наждачной бумаги. – Логан, верно?

Я киваю.

– Ты, должно быть, думаешь, что я просто кусок дерьма.

Я сжимаю челюсти.

– Не имеет значения, что я думаю.

– Ты не понимаешь. – Он открывает ящик прикроватного столика и достает фото в рамке, смотрит на него – разговаривает больше с фотографией, чем со мной.

Я смотрю на Эрика Хэммонда и вижу человека, которым он был раньше. Сильный и прямой – даже благородный. Это было до того, как тяжесть жизни согнула его пополам, превратила в унылый мешок с костями.

– Ты ошибаешься, – мягко говорю я. – Я понимаю.

Затем мой голос становится жестким.

– Мне просто все равно. На тебя. – Я указываю на дверь. – Последние шесть недель я был тут и смотрел, как ты разбиваешь сердце этой девушке каждый день, и я больше не собираюсь на это смотреть.

Моя работа – охранять Элли Хэммонд. Всю ее. Ее тело так же, как и ее милую маленькую душу. И я чертовски хорош в том, что делаю, более того, я хочу защитить ее. Потому что она добрая, умная и драгоценная... и, черт возьми... кто-то должен позаботиться о том, чтобы она была в безопасности.

– Так что ты встанешь с кровати, приведешь себя в порядок и в течение следующих нескольких часов будешь притворяться, что она тебе важна.

Он кивает, и, когда он ставит рамку на прикроватный столик, я вижу фотографию. Это семейный снимок: Оливия совсем маленькая, с кривыми зубами и растрепанными волосами; ее отец стоит позади нее, трезвый и счастливый, а на руках у него ее сестра с детскими щечками и белокурыми волосами. И меня как будто окатывает волной, когда я вижу женщину рядом с ним – смотрящую на него снизу вверх, улыбающуюся. Женщина с короткими светлыми волосами... и красивым лицом Элли. Они выглядят почти одинаково.

– Она для меня важна, – шепчет Эрик Хэммонд, проводя большим пальцем по изображению того, что когда-то было его семьей.

* * *

На выпускном вечере Элли собрались фотографы. Небольшая группа, всего трое, но они есть. Я веду мистера Хэммонда к двери спортзала, где студент-волонтер ждет, чтобы обменять наши билеты на бумажные программки.

Журналисты выкрикивают вопросы, когда мы проходим мимо:

– Мистер Хэммонд, принц Николас приедет на церемонию?

– Как вы относитесь к беременности Оливии? Ребенок от принца?

– Мистер Хэммонд, когда свадьба?

Эрик держится молодцом. Не реагирует, даже не поворачивает головы. Когда я веду его к его месту, он тихо спрашивает:

– Оливия же не по-настоящему беременна, да?

– Да.

– Это всегда так? С репортерами?

Я приподнимаю уголок рта.

– Обычно в сто раз хуже.

* * *

Во время церемонии я стою сзади, наблюдая за толпой, за поздно прибывшими и рано уходящими. Когда Элли произносит свою речь, я ловлю момент, когда она замечает своего отца, сидящего рядом с Марти. Она замолкает – лишь на мгновение, – и ненадолго на ее лице появляется выражение недоверия. А потом она улыбается. Так счастливо.

И хотя мы внутри, день вдруг кажется еще более солнечным.

* * *

Марти говорит, что поедет домой после церемонии, и прощается у школы. Но, когда Томми идет за машиной, отец Элли сообщает, что хочет вернуться в кафе пешком – такой хороший день и все такое.

Поэтому я пишу Томми, чтобы он встретил нас в кофейне, а затем следую за Элли и мистером Хэммондом на приличном расстоянии – оставляя им пространство для уединения, но держась достаточно близко, чтобы оказаться рядом, если понадобится.

Элли снимает мантию и перекидывает ее через руку, размахивая дипломом и шляпой в другой руке. Примерно на полпути домой на тротуаре становится меньше людей, и я слышу, как мистер Хэммонд тихо и серьезно разговаривает со своей младшей дочерью.

– Ты прекрасно выглядела сегодня, детка.

Элли издает короткий, застенчивый смешок.

– Спасибо, папа.

А потом он смотрит на нее еще раз, его глаза становятся трезвыми и влажными.

– Ты прекрасно выглядишь каждый день. Прямо как твоя мама.

Подбородок Элли вздрагивает.

– Прости. Я знаю, что это тебя расстраивает.

И ее слова, кажется, расстраивают его еще больше. Мистер Хэммонд останавливается в крошечном сквере, на клочке зелени с несколькими скамейками и дорожкой, ведущей на соседнюю улицу. Он подводит Элли к скамейке и садится, и я слышу, как он говорит, что ему нужно ей кое-что сказать.

После этого я больше не слушаю. Я остаюсь начеку и сосредотачиваюсь на окружающей обстановке. Я держу их в поле зрения, но блокирую разговор – потому что это тоже часть работы. Единственный способ не свести людей с ума – дать тем, кого я защищаю, ощущение приватности.

Не важно, насколько близкими мы становимся, некоторые вещи просто не наше собачье дело.

Через некоторое время Элли встает, а мистер Хэммонд остается сидеть.

– Я уже потерял твою сестру. Я не хочу потерять и тебя тоже, – печально говорит он ей.

И слезы текут из глаз Элли, когда она обнимает его, даже когда она умоляет:

– Не плачь, папа. Ты не потерял Оливию и не потеряешь меня. Мы любим тебя, и мы знаем, как тебе тяжело... Как тебе грустно.

А потом я слышу глубокий голос Эрика Хэммонда, когда он вытирает лицо салфеткой и протягивает руку, чтобы похлопать Элли по руке.

– Я буду стараться, детка. Я обещаю, с этого момента все будет по-другому.

Я бы не слишком на это рассчитывал. Такие обещания даются часто, но еще чаще нарушаются.

Они возвращаются на тротуар, бок о бок, и это сигнал, чтобы пойти за ними. По пути домой Элли оглядывается на меня, но я не смотрю ей в глаза, я поворачиваюсь к улице. Потому что не хочу, чтобы она думала, что я все слышал или что мне не безразлично то, что только что произошло между ней и ее отцом, я не хочу, чтобы она чувствовала себя неловко.

Когда они подходят ко входу в «Амелию», ярко-красный «Фольксваген-битл» с откидным верхом, за рулем которого сидит подруга Элли Марлоу, подъезжает и паркуется во второй ряд. Она сигналиит и складывает руки чашечкой вокруг своих красных губ – того же оттенка, что и машина.

– Поехали! Выходные у Берни!

Основываясь на том, что я подслушал, их одноклассник Берни Фолджер устраивает выпускную вечеринку в доме своих родителей на берегу в Уайлдвуде, штат Нью-Джерси. Прежде чем она успевает спросить, я говорю ей:

– Ты не поедешь одна.

В этот момент Томми выходит из двери кофейни.

– Томми может поехать с нами! – кричит Марлоу. – Я даже дам ему порулить, потому что сегодня я чертовски добрая.

Томми встречается со мной взглядом – и мы оба киваем. Элли обнимает своего отца на прощание и поворачивается ко мне, застенчиво шаркая своими белыми босоножками на каблуках.

– Ну... Увидимся завтра, Логан.

Потом она спешит к машине и забирается на заднее сиденье. По пути Томми проходит мимо меня, похлопывая по руке.

– У мистера Хэммонда там посетитель. Внутри.

Он проскальзывает на водительское сиденье, и они втроем трогаются с места.

Я открываю дверь мистеру Хэммонду и следую за ним в кофейню. И вот тогда я замечаю рыжеволосого посетителя, о котором говорил Томми.

Четвертый граф Эллингтон встает со стула.

Он улыбается единственным известным ему способом – тепло и приветливо – и протягивает руку.

– Мистер Хэммонд, меня зовут Саймон Барристер. Рад с вами познакомиться. Я хотел бы поговорить с вами об одном деле, которое может быть прибыльным для нас обоих.

Эрик Хэммонд пожимает графу руку.

– Что у вас за дело, Саймон?

И голубые глаза графа Эллингтона вспыхивают.

– Я надеюсь, речь пойдет... о пирогах.

6. Логан. Десять месяцев спустя

Королевская свадьба – важное событие в любой день, но когда королевская свадьба включает бывшего наследного принца, который отказался от трона ради американки, без которой он не может жить... Это сумасшедший дом.

Для таких парней, как я, это событие с высоким октановым числом – мои рефлексы обострены, находятся в состоянии повышенной готовности. Территория битком набита прессой, аристократами, высокопоставленными лицами и знаменитостями. Это то, что мы делаем – это те моменты, к которым

нас готовят на тренировках и занятиях по стратегии.

Командный пункт прорабатывает все аспекты обеспечения безопасности за несколько месяцев до – как будто мы готовимся к битве. Каждый знает свою роль; у каждого своя позиция. Сегодня вечером я сосредоточусь на принце Николасе. Хотя он ни на секунду не отходит от Оливии, к ней приставлен другой человек – Томми. Оливия, теперь принцесса и герцогиня, мерцает, как красивый диско-шар – вся в белом шелке и драгоценностях. А улыбка Николаса сияет ярче, чем диадема на ее голове.

«Счастливый» покинул здание, и сегодня вечером на приеме, посвященном его королевскому бракосочетанию, принц просто в экстазе.

Хотя мои глаза сканируют зал, я все время в курсе, где находится пара. Поэтому, когда Николас поднимает руку и подзывает меня, я реагирую тут же.

– Сэр? – Я кланяюсь.

– Мы скоро разойдемся по своим комнатам, но Оливия беспокоится об Элли.

Я следил и за ней весь вечер.

В этот самый момент она стоит в баре, такая красивая в шелковом платье цвета шампанского, которое обтягивает ее во всех нужных местах.

Или... чертовски ненужных, как мне кажется.

Один за другим шикарные парни с горящими глазами предлагают ей выпить, приглашают на танец или пытаются произвести на нее впечатление своими благородными родословными.

Гребаные ублюдки.

И она использует свое новообретенное совершеннолетие с правом употреблять алкоголь в Весско с пользой для дела. Марти тоже тут, смеется и пьет рядом с ней – и ее отец, хотя он и не пьет. Вопреки моим ожиданиям он не притрагивался к выпивке уже десять месяцев – с выпускного Элли. Он проходит

программу, посещает собрания даже здесь, в Весско, сохраняет трезвость. Это хорошо для него – для всех них.

– Элли назначили охрану, они проследят, чтобы с ней все было в порядке.

Я проверил, кто приставлен к ней на сегодня, чтобы лично убедиться, что это первоклассный парень.

Оливия бросает взгляд на сестру.

– Но ты знаешь ее лучше – она тебя послушает. Если она уйдет позже отца, мне будет спокойнее, если ты будешь с ней.

Я встречаюсь взглядом с Николасом.

– Мы не будем выходить из нашей комнаты всю ночь... – Он подмигивает своей невесте, – возможно, даже несколько дней. Нам обоим будет спокойнее, если ты присмотришь за Элли.

Я поднимаю руку.

– Я позабочусь об этом. Не сомневайтесь.

* * *

– Скажи мне, Элли Хэммонд, – говорит Генри, – все ведь уже законно?

Элли усмехается, поднимая свой бокал с мартини.

– Официально восемнадцать.

Принц Генри, младший брат Николаса, а теперь наследный принц Весско поднимает бровь.

– Боже милостивый, ты просто дикая кошечка. – Затем он вздыхает, глядя на нее. – Жаль, но теперь ты тоже практически мой родственник. И хотя многих из моих предков это не смутило бы, инцест не моя тема.

Элли кивает:

– Облом.

– Но, – Генри поднимает палец, – это не значит, что мы не можем классно провести время. Я покажу тебе лучшие места в Весско. Хорошие, развратные и все, что между ними. Что скажешь?

Она вся кипит от возбуждения.

– Считай, что я уже...

– Не в деле. – Я подхожу к ним. Твердый и решительный.

– Твоя сестра хочет, чтобы ты сразу вернулась в свою комнату, – говорю я Элли.

– Она будет со мной, – говорит Генри.

Как будто он не понимает, что от этого только хуже.

– Ваш брат попросил не оставлять Элли с вами.

Генри выглядит обиженным и осматривает комнату в поисках своего королевского брата.

– Этот придурок... я ему больше не доверяю. – Он качает головой. – К счастью для нас, мой брат и ее сестра будут сегодня поглощены своими делами. Им не придется беспокоиться о том, чего они не узнают.

Опасная ситуация. С одной стороны, принц Генри мой босс – теперь он выше Николаса по положению. С другой стороны, он безрассуден, склонен к саморазрушению и безответственен – и его блестящий новый титул не сгладил

эти качества. Так что, черт возьми, я ни за что не вверю милую Элли его заботам.

– Я позволю себе не согласиться, Ваше Высочество.

На его лице появляется выражение легкого шока, смешанное с тенью уважения от того, что ему бросают вызов. У Генри множество недостатков, однако неспособность видеть их со стороны не входит в их число.

Он королевский придурок, но он шарит.

– Я веду ее в «Похотливого козла», агент Сент-Джеймс, а не бросаюсь в бой. Ты и остальные сотрудники службы безопасности можете сопровождать нас. Мы выпьем по бокалу – или по дюжине бокалов, – споем несколько песенок, и все будет хорошо.

– О, звучит так весело! – Элли хлопает в ладоши. Она обращает на меня взор своих огромных глаз. – Мы же пойдем? Ну пожалуйста!

На лице принца Генри закипает веселье, пока они ждут моего ответа. Потому что он любитель навести суету. Это его главное занятие, то, ради чего он вообще живет: он любит разворошить кучу дерьма, а затем молча наблюдать, как все на нем поскальзываются.

– Давай, Логан, – умоляюще скулит Элли.

Генри обнимает ее за плечи с насмешливой ухмылкой.

– Да, Логан, давай.

Ублюдок.

* * *

Два часа спустя Элли Хэммонд, младшая сестра новой герцогини Фэрстоун, и будущий король Весско стоят на сцене в пабе «Похотливый козел». Вдвоем. Подпрыгивая и распевая – «I Wanna Be Sedated» группы Рамонс.

Вот вам и гребаное королевство.

Слава богу, что Эван Макалистер, владелец паба, сумел не пустить сюда прессу. После того как песня заканчивается, пара спускается со сцены под одобрительные крики парней Генри. Высокая, пышная брюнетка прилепилась к бедру принца на всю ночь – она прижимается к нему сбоку, шепча что-то на ухо.

Я вел учет выпивки Элли – три мартини за ужином и четыре порции чистого виски в пабе. Она выпивает пятую, как воду.

– Ты викинг! – подбадривает ее Генри.

– Викинги! – кричит Элли.

Когда принц зовет бармена, чтобы заказать еще, я проталкиваюсь сквозь толпу к Генри.

– Ей хватит, – тихо говорю я ему.

– Да она в порядке. – Он машет рукой в воздухе.

– Она еще девочка, – настаиваю я.

Элли возражает, тычет в мою руку пальцем и невнятно бормочет.

– Эй! Я протестую. Я уже взрослый человек. Зрелый. Зре...лы...й.

Она наклоняет голову, задыхаясь.

– Боже мой, до меня только что дошло, что, за исключением одной буквы, зрелый и прелый это одно и то же слово! Это так странно.

Я поворачиваюсь к принцу Генри, приподнимая брови.

– Как я уже и сказал... более чем достаточно.

Он наклоняется через стойку к Элли, поднимая два пальца.

– Элли, сколько пальцев ты видишь?

Элли щурится и напрягается, пока наконец не хватает Генри за руку и не останавливает ее.

– Четыре.

– Блестящий ответ!

– Я угадала? – с надеждой спрашивает Элли.

– Нет, но, если бы ты ответила правильно, я бы всерьез беспокоился.

Затем он стучит ладонью по стойке бара.

– Еще один раунд!

Именно в этот момент Элли соскальзывает со своего табурета. Я ловлю ее прежде, чем она падает на пол, но едва-едва. А потом я свирепо смотрю на Генри.

– Ммм... возможно, мы достигли кульминации вечера. – Он кладет руку на плечо Элли, слегка приподнимая подбородок, и говорит: – Важно выходить из паба на собственных ногах. Достоинство и все такое.

Голова Элли опускается на грудь, пока она не кладет ее мне на плечо, ее дыхание касается моего горла.

– Смммной все в пппрядке.

* * *

Во дворце тихо, когда вся троица – Генри, Элли и спутница Генри – ковыляет по коридорам в апартаменты Элли, хихикая и перешептываясь на ходу. Я открываю для них дверь, и они падают на стулья и диван в гостиной.

Генри наблюдает за Элли, и его глаза кажутся более трезвыми, чем в пабе.

– Кто хочет сыграть в карты? – спрашивает он, проверяя свои карманы. – У меня где-то здесь есть колода.

Его брюнетка недовольно надувает губы.

– Я начинаю уставать, Генри.

И похоже, его ночной перепихон под угрозой срыва.

Он показывает на Элли.

– Я не могу просто так оставить ее. Она может откинуться, как Дженис Джоплин, во сне – тогда Николас убьет меня, и у меня не будет вариантов, кроме как позволить ему это сделать.

Элли печально качает головой.

– Дженис Джоплин – какой голос.

И начинает плакать.

– Это просто так грустно.

Она закрывает лицо руками, теперь уже всхлипывая.

– Она так сильно любила Бобби Макги!

Черт возьми.

Когда я закончу с Генри, Николасу мало что останется убивать.

Чтобы удержаться от совершения тяжкого преступления, я выступаю добровольцем:

– Я присмотрю за ней, Ваше Высочество. Я на дежурстве всю ночь, и принц Николас настаивал, чтобы я присматривал за Элли лично.

Его взгляд перескакивает на меня, затем снова к Элли.

– Ну не знаю...

Элли поднимает голову, ее рыдания сразу прекращаются, она, спотыкаясь, подходит ко мне и обхватывает мою руку – она вздыхает, вдыхая ее запах, практически трахая ее.

– Ты можешь оставить меня с Логаном, Генри. Он мой герой.

Генри подозрительно наклоняет голову.

– Правда?

– Абсолютная. – Элли вздыхает, гладя меня по руке. – Мой милый, злющий ангел-хранитель.

Боже правый.

Белокурый принц оценивающе смотрит мне в глаза, как это делают мужчины. Я не отворачиваюсь, не моргаю. Через мгновение Генри кивает, хлопает ладонями по подлокотнику дивана и приподнимается.

– Ну, с меня довольно.

Элли хлопает в ладоши.

– Ура!

И чуть не падает в камин.

Я подвожу ее к антикварному креслу.

Генри демонстративно кланяется Элли, берет ее за руку и целует тыльную сторону ладони.

Она хихикает.

– Спасибо тебе за сегодняшний вечер.

Он опускается на колено.

– Тебе же было весело? Скажи, что это был лучший вечер в твоей жизни. Ты же знаешь, мне нужно поддерживать репутацию.

Элли кивает, вся такая легкомысленная и расслабленная.

– Самый лучший! Мне здесь ужасно нравится, и ты будешь потрясающим королем.

На лице Генри появляется странное выражение. Грустное, задумчивое.

– Ты добрая девочка, Элли. Тебе следует покинуть это место как можно скорее.

Но он моргает, и его шутовская улыбка возвращается на место.

Генри протягивает кулак.

– Добро пожаловать в семью, сладкая.

Элли пытается стукнуть кулачком в ответ... но промахивается и чуть не бьет Генри прямо в нос.

Смеясь, Генри держит Элли за запястье и ударяет кулаком о ее кулак.

Потом он встает, кивает в мою сторону, обнимает свою даму за плечи и выходит из комнаты.

* * *

– Эй, Логан?

– Да?

– Когда у тебя день рождения?

– Седьмого июня.

– Ого.

– Эй, Логан?

– М-м-м?

– Сколько тебе лет?

Я отвечаю не задумываясь.

– Двадцать три.

– Хм. Эй, Логан?

Это продолжается уже полчаса. Элли сидит на антикварном диване с индийским узором в огурцах, уставившись на пустой камин, а я сижу рядом с ней. Я давно снял с нее туфли, но она не сделала ни одного шага к своей кровати. В любом случае ей лучше сидеть прямо.

– Какой твой любимый цвет?

– У меня его нет.

– У всех есть.

– Синий.

– Светло- или темно-синий?

И я снова отвечаю, не подумав:

– Светло-синий.

Элли сонно поворачивает ко мне голову, ее длинные ресницы трепещут.

– А у меня светло-синие глаза.

Мои мысли на мгновение останавливаются.

– Так оно и есть.

За то время, что я провел рядом с Элли Хэммонд, я старался смотреть куда угодно, только не на нее – такова моя работа. Но в этот момент, когда я так близко, мне не на что больше смотреть.

И я смотрю.

У нее изящная шея, прямые плечи с тонкими ключицами. Ее кожа гладкая и кремовая, с естественным розовым румянцем на щеках. Брови светлые и изогнутые, глаза круглые и глубоко посажены – умные, с оттенком озорства. И у нее веснушки... Очаровательная россыпь светлых веснушек, целующих переносицу ее изящного носика.

– Эй, Логан?

– Да?

– Мне что-то нехорошо.

Вот оно. Я ожидал этого.

– Так. Не волнуйся. Как только тебя вырвет, ты почувствуешь себя намного лучше.

Ее миниатюрные черты искажаются.

– Звучит не очень весело.

– Нет.

На несколько мгновений единственным звуком в комнате становятся быстрые, резкие вдохи Элли.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Цитата из культового фильма «Грязные танцы». Речь идет о сцене, в которой юная главная героиня Бэби приносит на закрытую танцевальную вечеринку арбуз.

Купить: https://tellnovel.com/cheyz_emma/princessa-elli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)